

Ленинград mon amour

В Москве появился театр «Монплеизир»

Антон Красовский

Игорь Ларин, милейший человек и хороший петербургский актер, решил обосноваться в Москве. Получил в управление крошечный театрик в Сокольниках, собрал манатки – и адью, любимый город может спать спокойно. Впрочем, первое содеянное им по приезде все равно посвящено родному Ленинграду, его зарытым в землю аничковым коням, его стограммовым горбушкам, его голодным детям и исковерканным бомбами крышам.

Блокадные рассказы, голос матери, треугольнички с фронта – все тут – в «Ленинградской симфонии». Вот смотрите, такие листовки разбрасывали немцы, в самом начале блокады:

*Из кольца вы не уйдете,
Как клопы вы все помрете,
Чечевичу доедите,
Город Ленина сдадите.*

А вот такие письма писали дети своим отцам: «Кто тебе сказал, что у нас 800 граммов хлеба в день? Не верь – у нас не 800, и не 400, а только 150 граммов. Папа, приезжай скорей, привези нам хлеба».

А вот, что вспоминает мама Ларина – ее голос раздается из трещащих динамиков, откуда-то сверху, как будто с небес. «Мы жили на четвертом этаже, а сверху жил наш сосед. Так вот, мне потом мама рассказывала, что он свою дочь съел. Убил и съел. И мне было странно, как это он ее убил и освежал, ведь ей было тогда 16 лет.

Она была большая уже. А потом где-то на дороге он нашел крысу, уже дохлую крысу. И кто знает, отчего она умерла, может, от болезни какой. И вообще сколько она пролежала – никто не знал. Так вот, он съел ее, отравился и умер».

Или вот еще история про то, как ее – маленькую девочку – злая тетя заманила в какой-то подвал. «Девочка, тебе не нужна кукла? А то у меня дочь умерла, а куклу некуда девать». Я и пошла. Заходим мы в парадную, и она меня отводит в полуподвальную комнату и говорит: «Подожди, я схожу за куклой». Уходит и запирает дверь. А под потолком маленькое окошко прямо на асфальт – только через него свет и попадает. И вдруг я слышу за дверью разговор. Мужской голос спрашивает: «Ну что? Привела? – Привела. – Жирненькая? – Ну ничего, нормальная». Я сразу поняла, что они меня сейчас съедят, потому что слышала о таких случаях – их очень много было. Слышала, но никогда не думала, что это со мной произойдет. Так вот я вылезла в это окошко на асфальт и убежала».

Много историй рассказал Ларин – обо всех не напишешь. Да и не к чему – большинство из них известны. Знаем, что ели мертвых, знаем, что ели живых. Знаем, как учили детей в простывших бомбоубежищах, знаем и о буженине в Смольном. Знаем. Помним. Никогда не забудем. И спасибо каждому, кто об этом говорит. Другое дело – как.

Независимая - 2002. - 2 фев. - с. 8.

Игорь Ларин со спутницей.

Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

Ларин, артист масочный, куртуазный (даром ли свой театр «Монплеизиром» назвал?), попытался сыграть серьезный драматический и очень драматичный текст. Но не сумел – заляделся в зал, заигрался с куклой, притупил остроту чувств. Попытавшись очень страшные вещи проговорить обыденным будничным языком, он не учел, что тут необходимо соблюсти про-

порцию: минуту говорим просто, две – с жестким пафосом. Причем простоту сопровождаем отчетливым ярким видеорядом. Вместо этого Ларин начал кривляться, вставлять себе искусственные челюсти, рядиться в бабушкин платок. Не нужно. Глупо и нестрашно.

Понятно, что главная тема «Ленинградской симфонии» – бессмыслица блокады, ее нео-

правданность. Но ведь выразить это можно так, чтобы было интересно или хотя бы нестыдно. А вышло – по-черномырдински – как всегда.

Конечно, хорошо говорить о блокаде. Очень хорошо. Но иногда можно и промолчать. Просто тихо постоять в пискаревском парке, слушая мерный стук метронома. История от этого только выиграет. ■

Нарисован Игорь

2.02.02

199